

В. Г. Белинский

**Повесть о приключении
английского милорда Георга...**

М. К.

Виссарион Григорьевич Белинский
Повесть о приключении
английского милорда
Георга... М. К.

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828785*

Аннотация

«...Судьба книг так же странна и таинственна, как судьба людей. Не только много было умнее «Английского милорда», но были на Руси еще и глупее его книги: за что же они забыты, а он до сих пор печатается и читается? Кто решит этот вопрос! Ведь есть же люди, которым везет бог знает за что: потому что ни очень умны, ни очень глупы. Счастье слепо!...»

Содержание

Примечания
Комментарии

13

Виссарион Григорьевич Белинский

Повесть о приключении английского милорда Георга... М. К

ПОВЕСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО МИЛОРДА ГЕОРГА и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, с присовокуплением к оной (к бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе?) Истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии. С гравированными картинами и портретом. Издание девятое. М. К. Москва (.) В тип. А. Евреинова. 1839. Три части. В 8-ю д. л. В I-ой части 105, во II-й – 68, в III-й – 128 стр.

«О милорд *английской*, о великий Георг! ощущаешь ли ты, с каким грустным, тоскливым и вместе отрадным чувством беру я в руки тебя, книга почтенная, хотя и безмысленная! В то время, когда я уже бойко читал *по толкам*, хотя еще и не умел писать, в то время, когда еще только начиналось мое литературное образование, когда я прочел и «Бову», и «Еруслана» *гражданскою печатью*, и «Повести и ро-

маны господина Волтера», и «Зеркало добродетели» с раскрашенными картинами^[1], – скажи, не тебя ли жадно искал я, не к тебе ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?.. Помню тот день незабвенный, когда, достав тебя, уединился я далеко, кажется, в огороде, между грядками бобов и гороха, под открытым небом, в лесу пышных подсолнечников – этого роскошного украшения огородной природы, и там, в этом невозмущаемом уединении, быстро переворачивал твои толстые и жесткие страницы, всею душою удивляясь дивным приключениям, такую широкою кистию, так могуче и красно изложенным... Задумался я, погрузившись сердцем в какое-то сладостное мечтание... Передо мною носился образ твоей прекрасной, о Георг, маркграфини, которая наполнила меня таким нежным, трепетным чувством удивления к своей дивной красоте и женственному достоинству, что, мне кажется, не посмел бы дотронуться и до рукава ее богатого платья!.. А ты, неистовый Георг, ты не только решился остаться ночевать с нею в одной комнате, но даже и напечатлеть на ее устах преступный поцелуй, за что она, пришед в великую свирепость, не то надавала тебе пощечин, не то велела отодрать тебя плетьюми на конюшне – не помню, право, а справляться некогда. И как любили тебя женщины, как навязывались они сами на тебя, о стократно счастливый милорд *английской!* И Елизабета, твоя обрученная, и маркграфиня, твоя возлюбленная, и королевна арагеская, и королевна гишпанская – сколько их, и

все королевны!.. А ты, несчастный визирь турецкий, злополучный Марцимирис, помнишь ли ты, как сострадал я тебе, когда лукавый черт отбивал у тебя твою прекрасную жену, королевну сардинскую, Терезию? О, если бы попался тогда мне в руки этот дьяволенок, я бы показал ему, что ад-то не в аду, а у меня в руках!.. О, как я рад был, когда наконец наградилась ваша примерная верность, образцовые любовники, каких нет более в наш ветреный и, как уверяет какой-то журналист, в наш *положительный, индустриальный, антипоэтический* век^[2], в который поэтому уже невозможны ни «Милорды английские», ни «Аббаддонны»... О милорд! что ты со мною сделал? Ты так живо напомнил мне золотые годы моего детства, что я вижу их перед собою; железная современность исчезает из моего сознания; я снова становлюсь ребенком и вот уже с бьющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовою кровлею, окруженный бревенчатым забором... Вот от ворот до крыльца трехугольный палисадник, с акациями, черемуховым деревом и купою розанов... Вот и огород, которому со двора служат оградою погреб и другие службы, с небольшими промежутками частокола, а с остальных трех сторон – плетень... Вот и маленькая баня при входе в огород, даже и среди белого дня пугавшая мое детское воображение своею таинственною пустотою... а вот, возле нее, и стог сена, на котором я часто воображал себя то Александром Македонским, то Ерусланом Лазаревичем... вот он и

весь огород, с своими грядками, с своими подсолнечниками, которые через его плетень дружелюбно наклонили свои густые ветви... А в доме – там нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал или не мечтал, или позднее не сочинял... Пойдите, я поведаю вас... Но, милорд, что ты со мною сделал?.. Какая кому нужна до моего детства?.. Я мечтаю, а надо мною смеются – и всему этому виноват ты...», и пр. и пр.

Вот и извольте всегда быть беспристрастным! Нет, нельзя быть беспристрастным: беспристрастие – добродетель сухая, мертвая, чиновничья! Вам смешон, нелеп, глуп «Милорд английской», а нашему доброму приятелю, из записок или рукописных «мемуаров» которого мы выписали вышеприведенное место (и решились на выписку, потому что эти мемуары, вероятно, никогда не будут изданы)^[3], этому приятелю нашему он мил, любезен, дорог – он напоминает ему такое время, о котором этот не может вспомнить без слез умиления и сердечной тоски... Да и сколько наслаждения доставлял милорд, вероятно, многим и многим во время оно! И одно ли наслаждение? – Нет, и пользу: через него многие впервые узнали, какая была прежде вера у английских милордов... Мы не скроем от вас этого и охотно поделимся с вами знаниями, которые мы приобрели из этой книжицы: у английских милордов вера была сперва языческая или баснословная, что можно узнать, во-первых, по следующему вступлению в повесть: «В прошедшие времена, когда еще

европейские народы не все приняли христианский закон, но некоторые находились в баснословном языческом идолослужении, случилось в Англии с одним милордом следующее странное приключение». Потом это видно из приложенного при конце повести реестра древних языческих богов и богинь, из которых, например, Сатурн описывается так: «Старший из всех богов у язычников почитался Время, названное *Сатурном*, которого изображают с крыльями на плечах, держащего в руке косу, на голове песочные часы, и будто он подал всех своих детей, кроме оставшихся Юпитера, Нептуна и Плутона»^[4]. Реестр богов и богинь заключен следующим глубоко премудрым замечанием: «Вот какими нелепостями наполнена была древность, и всего еще удивительнее, что в тогдашние времена, как у греков, так у римлян, были великие разумники, но всему¹ суеверию слепо и безрассудно верили».

На странице, второй после заглавного листка, красуется таковой эпитафия:

Счастье подобно как прекрасный цвет,
Который между терниями растёт;
Если станешь срывать неосторожно,
То скоро оным уколотся можно.

Знаете ли, кто автор этих бесподобных стихов? – Все он

---

¹ В издании прошлого года сказано: «всему оному суеверию».

же, все «Матвей же Комаров, житель города Москвы». «А кто таков сей Матвей Комаров?» – спрашиваете вы. Лицо столь же великое и столь же таинственное в нашей литературе, как и Гомер в греческой: имя его и место жительства известны, но где он родился обстоятельства его жизни совсем неизвестны. Знают некоторые по именам и его сочинения, но никто не знает цены его сочинениям и немногие читали их, а между тем они разошлись едва ли не в числе десятков тысяч экземпляров и нашли для себя публику немногочисленнее, нежели «Выжигины» гг. Булгарина и Орлова. Сочинения эти следующие: «Повесть о приключениях английского милорда Георга», «История французского мошенника Картуша» и «Обстоятельное и верное описание жизни славного российского мошенника Ваньки Каина»^[5]. Когда жил Матвей Комаров, житель города Москвы? – Вот интересный вопрос, которого, к сожалению, не решает собственноручное к «Английскому милорду» *предуведомление* самого автора, обращенное к «благоразумным читателям и любезным согражданам», потому что под этим предисловием не выставлено года и месяца. Когда-нибудь мы, позапасшись фактами, познакомим публику с Матвеем Комаровым и его сочинениями поподробнее, а теперь о нем самом скажем только, что это предостолоубезнейший в мире человек. Не угодно ли вам узнать, для чего сочинил он «Английского милорда»? Он вот что говорит об этом в своем предисловии:

Я труды моего пера не с тем выпускаю в публику,

чтоб чрез то заслужить себе авторское имя; ибо я не хочу уподобиться безрассудному афинейскому Герострату, который для того только сжег славной в числе семи древних чудес почитающийся Дианин храм (в самую ту ночь, как родился Александр Великий), чтоб тем сделать имени своему бессмертную память; но мое намерение единственно состоит в том, чтобы показать обществу хотя малейшую какую ни есть услугу и не проводить бы время моей жизни в праздности, последуя в том словам одного знатного нашего стихотворца, который говорит:

Без пользы в свете жить,
Напрасно землю лишь тягчить...

А вот вам доказательство примерной скромности почтенного «жителя города Москвы»:

Что же принадлежит до критики, то хотя я и знаю, что иногда и самые искусные писатели нередко оной подвержены бывают (,) а мне уже, как человеку ничему не ученому, избежать от того очень будет трудно; и потому воображается мне, что может быть некоторые скажут: «Не за свое де он принялся дело!» Однако ж я все сие предаю на рассуждение благоразумных читателей, потому что всякую вещь кто как понимает, тот так об оной и заключение делает, а *многие иногда и для того чужия дела критикуют, что авторовы мысли им непонятны*^[6]. Но я как к тем, так и к другим пребуду навсегда с должнейшим, да и ко всякому читателю с

моим почтением, всепокорнейшим слугою,
Матвей Комаров, житель города Москвы.

Судьба книг так же странна и таинственна, как судьба людей. Не только много было умнее «Английского милорда», но были на Руси еще и глупее его книги: за что же они забыты, а он до сих пор печатается и читается? Кто решит этот вопрос! Ведь есть же люди, которым везет бог знает за что: потому что ни очень умны, ни очень глупы. Счастье слепо! Сколько поколений в России начало свое чтение, свое занятие литературой с «Английского милорда». Одни из сих людей пошли дальше и – неблагодарные – смеются над ним, а другие и теперь еще читают его себе да почитывают! Вот уже, кажется, это третье издание, третье с 1837 года, на котором, на обороте заглавного листка, под ценсурным одобрением, стоит уведомление: «Печатано с издания 1834 года без исправления». И издание 1839 года – девятое! Когда же было первое издание? – В каталоге Логинова^[7] «История Картуша» означена 1794 годом, следовательно, *сорок четыре* года назад; к тому же времени должен относиться и «Английский милорд». Жив ли его автор? он ли беспрестанно издает вновь свое великое творение, или им пользуются книжные промышленники? «Все это вопросы важные», – сказал бы человек с «высшими взглядами»^[8].

Книжица украшена портретом английского милорда Георга: какая-то рожа в парике и костюме времен Петра Великого. Сверх того, к ней приложены *четыре* картинки: это

уж даже и не рожи, а бог знает что такое. Вот, например, на первой изображен под чем-то похожим на дерево какой-то болван с поднятыми кверху руками и растопыренными пальцами; подле него нарисована деревянная лошадка, а у ног две фигуры, столько же похожие на собак, сколько и на лягушек, а под картинкою подписано: «Милорд от страшной грозы кроется под дерево и простер руки, просит о утолении бури». Сличите эти картинки всех изданий – и вы ни в одной черточке не увидите разницы: они оттискиваются на тех же досках, которые были вырезаны еще для первого издания. Вот что называется бессмертием!..

Примечания

Впервые – «Отечественные записки», 1839, т. V, № 8, отд. VII «Современная библиографическая хроника», с. 37–43 (ц. р. 14 августа; вып. в свет 16 августа). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. III, с. 251–257.

Этой рецензией началось сотрудничество Белинского в журнале Краевского «Отечественные записки».

Автор рецензируемого произведения – Матвей Комаров, беллетрист XVIII века, известный многочисленными занимательными (главным образом «рыцарскими») повестями и романами, рассчитанными на вкусы малотребовательного мещанского читателя. Сочинения М. Комарова неоднократно переиздавались вплоть до конца XIX века. Особой популярностью пользовалась рецензируемая Белинским повесть, первое издание которой вышло в 1782 году. Именно ее имел в виду Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (ч. I, гл. 2 «Сельская ярмонка»), мечтая о времени,

Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет.

Комментарии

1.

«Бова Королевич» (1791) – лубочная сказка, «Еруслан Лазаревич» — русская народная сказка, «Повести и романы господина Волтера» — «Романы и повести г. Волтера». Пер. с французского. Ч. 1–5. М., 1805, «Зеркало добродетели» — «Зеркало добродетели и благонравия. Le miroir de la vertu, contenant des contes choisis, pour former le coeur et l'esprit de la jeunesse». 4. 1–2. М., в тип. Н. С. Всеволожского, 1815–1816 (автор – немецкий писатель Иоганн Эфраим Кейль – установлен по одноименному изданию 1811 г.).

2.

Имеется в виду Полевой (см. прим. 21 к статье «Горе от ума»). Далее упоминается его роман «Аббадонна».

3.

Цитированные строки из «мемуаров» принадлежат самому Белинскому и имеют автобиографический характер (см.: В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. М., Изд-во АН СССР, 1949, с. 89–90).

4.

Эта и следующие цитаты – на с. 110 и 128 рецензируемой повести М. Комарова.

5.

«Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого – российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Канна..., второго – французского мошенника Картуша и его сотоварищей» впервые вышли в Петербурге в 1779 г., затем неоднократно переиздавались. Позже обе истории разделились и издавались самостоятельно по нескольку раз.

6.

Курсив Белинского.

7.

Каталог Логинова – «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Василия Васильева Логинова». М., 1837.

8.

Подразумевается Полевой, который писал в статье «Несколько слов о русской драматической словесности (Письмо к Ф. В. Булгарину)»: «Все это вопросы важные, и, может быть, да и кажется наверно, мы умрем, не решивши их» («Сын отечества», 1839, № 4, отд. IV, с. 111).